

А. И. Иванчик

О НЕКОТОРЫХ ПОДДЕЛЬНЫХ НАДПИСЯХ ОЛЬВИИ И ТИРЫ¹

Статья посвящена нескольким поддельным надписям, которые публиковались как подлинные и приписывались Тире и Ольвии. Кроме того, рассматривается история изготовления подделок на юге Российской империи.

Ключевые слова: Эпиграфика, Ольвия, Тира, Северное Причерноморье, подделки.

Наше знакомство с Валентиной Крапивиной довольно давнее – мы впервые встретились на одной конференции в Болгарии, в горном городке Кюстендил, далеким уже летом 1990 г., когда наши страны еще не разделились. Я тогда работал в составе советско-болгарской экспедиции в Болгарии под руководством Николая Яковлевича Мерперта, одного из самых светлых и интересных людей, которых мне доводилось встречать. Собственно, мы и приехали в Кюстендил представить результаты наших раскопок. Это было время, когда и еще существовавший СССР, и Болгария (с некоторым опозданием – в 1988 г. власть Т. Живкова еще казалось незблемой, что составляло странный контраст с перестроечной эйфорией в Москве; изменения в Болгарии начались только в 1989 г.) открывались миру, и появилась возможность свободных контактов с иностранными коллегами и в нашем профессиональном сообществе. Стали налаживаться «горизонтальные» связи, и, очевидно, в связи с этим в Кюстендил прибыл «ольвийский десант»: С.Д. Крыжицкий, В.В. Крапивина и А.С. Русяева. Так я познакомился со всеми тремя. Хорошо помню, с какой открытостью и теплотой меня, сов-

сем еще молодого человека, приняли в свою компанию эти уже тогда хорошо известные и даже маститые ученые. Практически все дни той конференции мы провели вместе, и главное впечатление, которое я сохранил о Кюстендиле благодаря им – атмосфера дружелюбия, тепла и открытости. Позже, общаясь с Валентиной сначала sporadически, потом довольно тесно, я понял, что эта атмосфера создавалась вокруг нее сама собой, очевидно, без всяких усилий с ее стороны: у нее был огромный и редкий женский талант семейности и домашности, и люди из ее окружения как бы сами собой включались в этот семейный круг.

Позже мы время от времени встречались на разных конференциях и общались со взаимной, я надеюсь, симпатией. Наши отношения вышли на новый уровень в 2000 г., когда я по приглашению Валентины приехал в Ольвию. После гибели нашего общего друга и коллеги Юрия Виноградова ольвийская эпиграфика осиротела, и С.Д. Крыжицкий и Валентина приняли решение доверить мне изучение и публикацию ольвийских надписей. С тех пор я приезжал в Ольвию почти каждый год, и наше дружеское общение дополнилось профессиональным сотрудничеством. За прошедшие годы были и совместные проекты, и совместные публикации, но, конечно, сотрудничество наши отношения не исчерпывались – иначе Валентина не была бы сама собой. Очень скоро и она, и ее семья стали для

© А.И. ИВАНЧИК, 2015

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Изучение и издание надписей Ольвии и Тирь», 14-01-00358а.

меня и для моих домашних одними из самых близких друзей. Ее утрата была для всех нас тяжелым ударом, и мне по-прежнему трудно представить себе и Ольвию, и Киев без нее.

При всем своем дружелюбии и теплоте, Валентина прекрасно и очень быстро определяла истинную цену и людям, и научным сочинениям, легко отделяя настоящее от поддельного. Поэтому мне кажется, что эта заметка будет вполне уместной в книге, посвященной ее памяти.

Проблема поддельных греческих надписей так же стара, как и сама греческая эпиграфика. Фальсификация надписей началась практически одновременно с рождением эпиграфической науки. Одним из первых собирателей греческих надписей в поле был аббат Мишель Фурмон, предпринявший по заданию Людовика XV в 1729-1730 гг. двухгодичное путешествие в Грецию с целью сбора греческих рукописей и надписей². В ходе своей поездки он скопировал около 1200 надписей, главным образом из Аттики и Пелопоннеса, но также и с островов [Omont, 1902, p. 662]; часть их была опубликована им самим, часть – другими учеными по его копиям. Некоторые надписи, судя по шрифту, были очень древними и содержали интересные сведения о ранних периодах истории Греции, в том числе о греко-персидских войнах. Правда, довольно скоро выяснилось, что Фурмон не только копировал реально существующие надписи, но и придумывал их, т.е. создавал фальшивки, правда, не высекая их на камне, а оставляя на бумаге в виде якобы копий. При этом подлинные надписи он нередко уничтожал, видимо, чтобы сделать невозможным контроль своих чтений. Когда А. Бек издал в 1828 г. первый том своего корпуса, он был вынужден даже включить в него специальный раздел *Inscriptiones Fourmonti spuriae* [SIG I, p. 61-104]. Несмотря на то, что подделки Фурмона были довольно грубыми и многие из них были скоро распознаны, некоторые продолжали обманывать эпиграфистов еще десятилетиями, если не столетиями: они входили в разные публикации, включая авторитетные своды. Так, одна из фурмоновских подделок, благополучно вошедшая в IG, была распознана только в 1976 г. [Spawforth, 1976, p. 139-145].

2. Об этой экспедиции, вместе с публикацией связанных с ней документов, включая переписку Фурмона, см. [Omont, 1902, p. 433-662].

Не осталась в стороне от общемировых тенденций и Россия. Как только здесь появилась эпиграфика, сразу появились и подделки. Наиболее ранний известный мне пример зафиксирован уже в 1804 г. Речь идет о шиферной овальной пластинке с рельефом, изображающим четырех мальчиков, один из которых держит пальмовую ветвь, и надписью под ним (рис. 1). В 1804 г. во время своего путешествия по югу России ее обнаружил Е. Келер в собрании Навигационной школы в Николаеве [см. об этом Иванчик, 2007, с. 200-201]. Он списал ее вместе с другой хранившейся там надписью (IOSPE I² 98), а рисунок с нее был сделан, по всей вероятности, сопровождавшим Келера художником К. фон Кугельхеном³. Затем Келер включил ее в свой свод надписей Ольвии, законченный в 1817 г., но так и оставшийся в рукописи [см. об этой рукописи Иванчик, 2007]. Десятью годами позже он опубликовал эту надпись [Koehler, 1827, p. 111, pl. III]; впоследствии она была включена в корпус Бека (SIG II, 2095, с ошибкой ΑΘΔΗΓΟΣ вместо ΑΘΔΕΓΟΣ), а потом и Латышева (IOSPE I 151 = I² 285). В первую публикацию была включена и гравюра, сделанная, очевидно, с рисунка Кугельхена и несколько искажающая его. Сам рисунок карандашом мне удалось обнаружить вместе с упомянутой рукописью Келера в архиве IG в Берлине, где она и сейчас хранится.

Рис. 1. Шиферная пластинка с рельефом IOSPE I², 285. Рисунок из рукописи Е. Келера в архиве IG, Берлин

Аутентичность надписи никем не подвергалась сомнению, возможно, отчасти потому, что надпись пропала уже ко времени Латышева, и Келер был последним эпиграфистом, который ее видел. Тем не менее, на мой взгляд, речь идет о несомненной подделке. В этом убеждает уже сам рельеф, вряд ли имеющий что-либо общее с античными изображениями. Если бы этого было недостаточно, о

3. Об этом путешествии Келера и Кугельхена по югу России см. [Тункина, 2002, с. 67-73].

том же свидетельствует надпись. Так, здесь сочетаются формы букв разного времени, использование которых в одной надписи невозможно. Например, пи с укороченной правой гасгой, кажется, не встречается в ольвийских надписях позже начала II в. н.э., а в основном распространена в более раннее время, тогда как «квадратная» сигма неизвестна ранее III в. н.э. Кроме того, надпись представляет собой и странное сочетание букв. Невозможное ΛΘΔΕΓΟΣ издатели, начиная с Кёлера, исправляют на ΑΘΔΕΓΟΣ, однако и такое имя, равно как и имя его отца Λυλρσνος нигде более не засвидетельствованы. Не поддаются они и убедительному лингвистическому толкованию. Все это убеждает в том, что речь идет о подделке. Пожалуй самое интересное в этом памятнике – это свидетельство того, насколько рано в южной России началась деятельность фальсификаторов: уже в самом первом собрании причерноморских древностей оказалась поддельная надпись.

В течение всего XIX в. фальсификация надписей продолжалась. При этом в истории изготовления фальшивок можно выделить два периода – до начала 1890-х годов и позже. В первый период фальшивки изготовлены довольно неумело. Часто они представляют собой бессмысленный набор букв, иногда даже с включением кириллических букв, как в надписи из ГИМа (инвентарный номер 11838, оп. 300/IV, 1Б) (рис. 2). Эта надпись вырезана

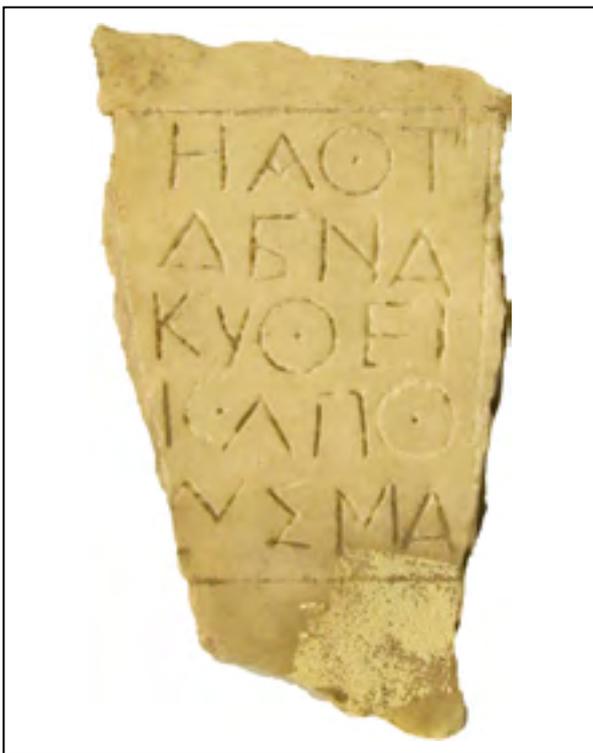

Рис. 2. Поддельная надпись IOSPE I, 167. Государственный исторический музей (Москва), инв. № 11838, оп. 300/IV, 1Б

на мраморной плитке размерами 9,0 x 5,0 x 1,0, довольно аккуратными буквами. В ГИМ она поступила в составе коллекции П.О. Бурачкова, была изучена В.В. Латышевым и издана в первом издании его корпуса под номером 167, вместе с четырьмя другими аналогичными надписями, входившими в ту же коллекцию [IOSPE I, p. 166-170, tab. II]. Латышев при первой публикации не распознал в них подделки и, отметив, что сочетание букв не составляет никакого осмысленного текста, предположил, что речь идет о текстах, составленных на варварском языке, или о тайнописи. В 1885 г., год публикации первого тома свода Латышева, другой известный коллекционер, И.К. Суручан, приобрел еще одну группу подобных бессмысленных надписей, в которую входило шесть мраморных плиток, а вскоре они были опубликованы В.В. Латышевым [Латышев, 1890, с. 133-138, таб. X-XIII, ср. Латышев, 1892, с. 384]. На этот раз были сфальсифицированы не только сами надписи, но и для некоторых из них были придуманы обстоятельства находки: утверждалось, что плитки были найдены «в 1885 г. под головой покойника», «в развалинах Ольвии в августе 1885 г. во время пребывания там И.К. Суручана», «на берегу Буга после сильного дождя» и т.д. Бурачков и Суручан не были единственными покупателями – такие таблички поступили и в музей Одесского общества и также были изданы Латышевым и Юргевичем как подлинные [Юргевич, 1889; Латышев, 1889]. По большей части речь идет о мраморных табличках разного цвета, однако одна из надписей, сопровождаемая изображением орла на дельфине, сделана на шиферной пластинке, как и упоминавшаяся выше табличка, опубликованная Е. Келером. В некоторые из этих «загадочных» по определению Латышева надписей были включены отдельные не связанные между собой слова или греческие имена, зачастую написанные с такими ошибками, что ясно, что автор не понимал их. Было таких подделок, видимо, довольно много, и они попадают в коллекциях практически всех музеев.

Вероятно, в это же время была изготовлена и довольно большая серия мраморных плиток разных размеров с надписями, выполненными рельефными буквами. Некоторые из них украшены довольно забавными рельефами (рис. 3). Несмотря на большую связность текстов некоторых из них, никого из эпиграфистов они не обманули, хотя попали в коллекции почти всех музеев. Забавно, что ловким торговцам древностями, настоящими и поддельными, удалось их использовать вторично более чем веком позже. В конце 1990-х – первой половине 2000-х они активно поступали в коллекции древностей украинских нувори-

Рис. 3. Поддельная надпись из коллекции И. Суручана. Херсонский областной краеведческий музей, б/н

шей. Такие таблички, например, можно было видеть на выставках коллекции Сергея Платонова, проходившей с большой помпой в Киево-Печерской лавре и в музее Софийского собора в Киеве. Правда, в изданные каталоги этих выставок они не вошли.

Что касается упомянутых «загадочных» надписей, то к мысли о том, что речь идет о подделках, В.В. Латышев пришел только к середине 1890-х годов (несколько раньше Латышева на их поддельный характер указал Э. фон Штерн [Штерн, 1894, с. 22, прим. 2]). Осознав, что изготовление подделок на юге России поставлено на поток (он говорит о «южно-русской эпиграфической фабрике») и что их массовое появление стало представлять серьезную проблему для науки, В.В. Латышев опубликовал в 1895 г. специальную статью «О поддельных греческих надписях из Южной России» [Латышев, 1895, переиздана в Латышев, 1909, с. 185-200], в которой собрал известные ему подделки. В 1901 г. он включил в IV том IOSPE специальный Appendix, в котором были перечислены эти подделки.

В своей статье 1895 г. Латышев отмечает появление с начала 1890-х годов более совершенных подделок, к изготовлению которых привлекалось лицо, владевшее в какой-то мере греческим языком. Пользуясь своими познаниями, впрочем, довольно скудными, это лицо составляло тексты из фраз и выражений, заимствованных из подлинных надпи-

сей, опубликованных Латышевым в первом томе его корпуса. Эта публикация, следовательно, парадоксальным образом послужила улучшению качества работы фальсификаторов: они перестали фабриковать надписи, составленные из бессмысленного набора букв, и перешли к изготовлению текстов, составленных из элементов опубликованных в IOSPE надписей, и даже более свободных вариаций на тему этих надписей.

Примером таких достаточно пространственных текстов является, например, «Послание ольвиополитов царю Сайтафарну»: массивная мраморная плита (размеры: 50,5 x 34,6 x 12,4) с тринадцатистрочной надписью, сделанной шрифтом, подражающим шрифту декрета в честь Протогена (рис. 4). Надпись была пожертвована Одесскому музею в мае 1893 г. А.Л. Бертъе-Делагардом и хранится там до сих пор (инв. № 50419 (Па-133)); она издана Э.Р. фон Штерном как подлинная, хотя и вызвала у него некоторые подозрения [Штерн, 1894, с. 18-30, ср. Штерн, 1895, с. 65-68]. То, что надпись поддельная, убедительно обосновал В.В. Латышев [Латышев, 1895, с. 1-7; IOSPE IV, p. 322-323, No. XXV].

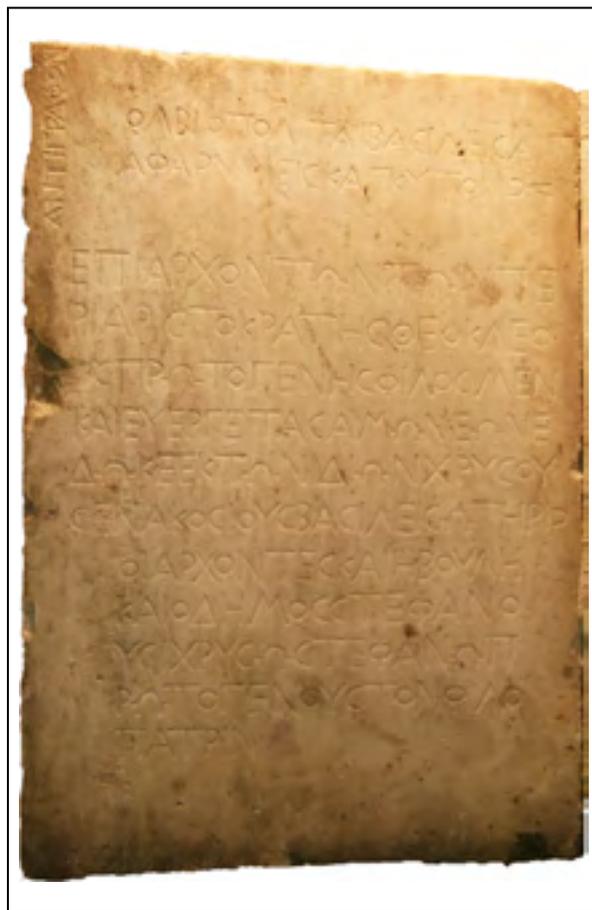

Рис. 4. «Послание ольвиополитов царю Сайтафарну». Одесский археологический музей, инв. № 50419 (Па-133)

Вместе с «посланием Сайтафарну» Бертье-Делагард преподнес Одесскому обществу еще одну массивную мраморную плиту (размеры 72,0 x 42,8 x 20,6 см) с поддельной надписью: «ольвийским» декретом в честь боспорца Ахемена, сына Ахемена (рис. 5). Она была опубликована Э. фон Штерном как подлинная [Штерн, 1893, с. 1-10, табл. I, ср. Штерн, 1895, с. 79-80] и признавалась таковой и В.В. Латышевым даже после того, как он распознал многие поддельные надписи [Латышев, 1895а, с. 73, 82, № 11⁴]: в статье 1895 г. она не упоминается прямо, хотя позже Латышев писал, что именно на нее он намекал, упоминая в этой статье «еще один вполне безукоризненный образчик подделки», на который он не решается указать прямо, не имея доказательств ее поддельности [Латышев, 1895, с. 17, прим. 4]. Окончательно она была признана поддельной только в 1901 г. [IOSPE IV, р. 321, No. XX].

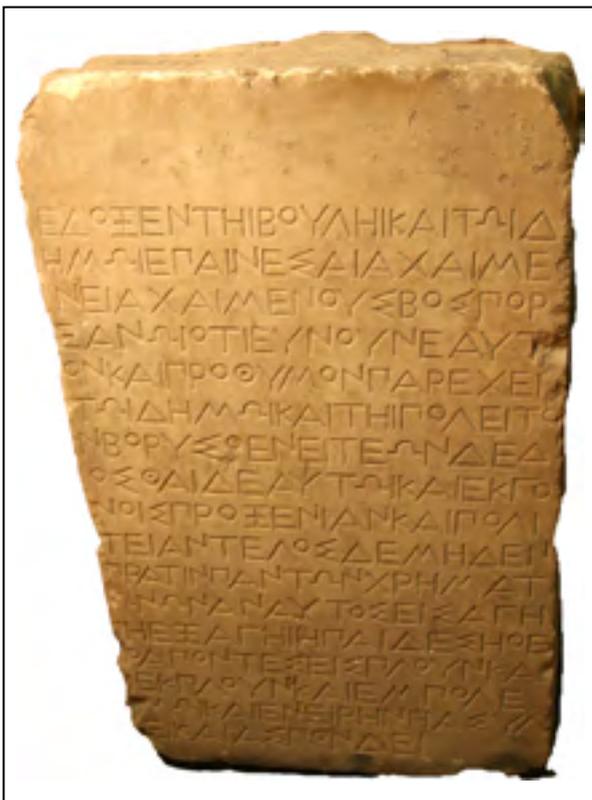

Рис. 5. Поддельный декрет в честь Ахемена, сына Ахемена. Одесский археологический музей, инв. № 50517 (Па-131)

Фальсификатор, изготовивший эти надписи, очевидно, входил в группу, работавшую под руководством знаменитых братьев Гохманов, создавших в Очакове целую фабрику по изготовлению фальшивых древностей. Именно из нее происходит и знаменитая тиара Сайтафарна, купленная Лувром [см. Schiltz,

2010, с литературой] и изготовленная примерно на два года позже упомянутого выше «послания Сайтафарну». В некоторых случаях эти надписи поступали от Гохманов напрямую, в других – через посредников. Они довольно легко распознаются как по стилю письма, так и по ошибкам автора текстов; при этом обычно можно выделить, из кусков текста каких настоящих надписей составлен текст подделок, что и продемонстрировал Латышев в своей статье на ряде примеров.

Латышев, однако, распознал не все подделки этой группы, и часть их вошла и во второе издание первого тома IOSPE и продолжает до сих пор учитываться среди подлинных памятников. В этом мне пришлось убедиться в 2008 г. при визуальном обследовании надписей, хранящихся в Эрмитаже, одна из которых оказалась подделкой (инв. № А.1277/20107) (рис. 6)⁴. В Эрмитаж надпись была пе-

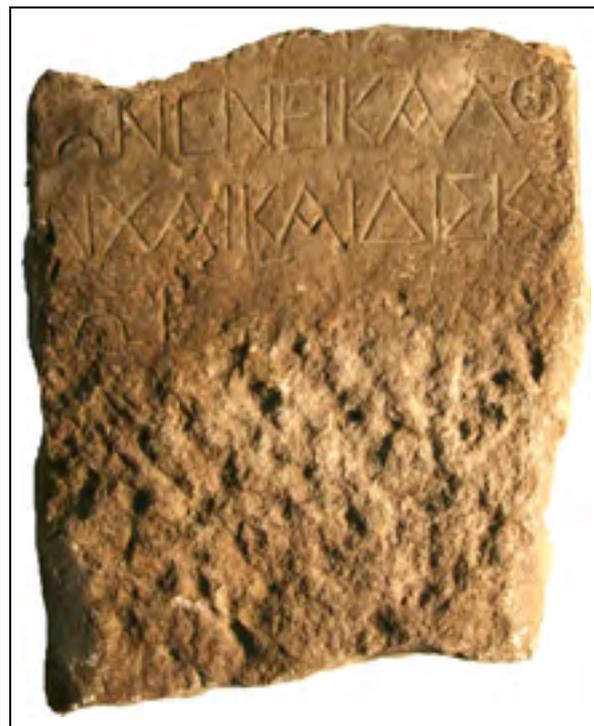

Рис. 6. Поддельная надпись IOSPE I², 157. Государственный Эрмитаж, инв. № А.1277 / 20107

редана в 1938 г. из Ленинградского отделения Института истории АН СССР вместе с другими предметами из коллекции Н.П. Лихачева. Первоначально камень входил в коллекцию И.К. Суручана, который купил его в 1892 г., тогда же, когда на рынке оказались и многие другие подделки (см. выше). По леген-

4. К тому же выводу пришел Й. Хупе, также изучавший надпись de visu [Hupé, 2006, S. 209, Anm. 202].

де продавцов, – надпись якобы была найдена в Ольвии «на берегу р. Буг» в 1889 г. После смерти Суручана в 1897 г. его коллекция рассеялась, и по крайней мере восемь входивших в нее надписей попали в Петербург, где и были куплены Н.П. Лихачевым [Власова, 1997].

Для нанесения этой надписи фальсификаторами была, видимо, использована нижняя часть подлинной древней стелы (размеры: 22,4 x 17,9 x 8,2, в верхней части толщина 6,5 см). Нижняя часть высотой 14,0 см обработана грубо и, вероятно, предназначалась для вкапывания в землю. В верхней части лицевой фас отполирован, боковые и оборотный заглажены менее тщательно. Последняя строчка надписи находится на уровне необработанной части, что само по себе уже подозрительно: обычно надпись заканчивается значительно выше.

Поддельный характер надписи сомнений не вызывает. Уже с первого взгляда по очертаниям букв и манере узнается рука того же резчика, который вырезал «декрет в честь Ахемена» и «послание Сайтафарну», а также ряд других поддельных надписей. Здесь смешаны начертания букв, типичные для разных периодов: с буквами, имитирующими буквы римской эпохи (например, альфа), сочетаются омеги, начертание которых характерно для раннеэллинистического времени. Кроме того, внутрь омикрон в конце первой строки вписан знак в форме латинской буквы S. Над надписью нанесено несколько дополнительных штрихов, имитирующих остатки букв верхней обломанной строки.

Надпись была впервые издана Латышевым в 1894 г. и затем дважды переиздавалась [Surutschan, Latyshev, 1894, p. 9, No. 13; IOSPE IV, 25; IOSPE I², 157]. Несмотря на то, что Латышев выражал сомнение в подлинности надписи из-за формы омеги, он все же опубликовал ее как подлинную, и до И. Хупе (см. выше) никто сомнения в ее подлинности не выражал.

Текст надписи читается следующим образом:

ων ἐνεῖκα λό-
νχαι καὶ δίσκ-
ωι. *vasat*

Образцом текста для фальсификатора, очевидно, послужило окончание надписи IOSPE I² 130 (стр. 16-18), которую он использовал не по оригиналу, а по изданию Латышева IOSPE I 77: Πουρθ[αῖ]ος Πο[υρθαῖ]ου ἀρχοντ[ε]ων ἐν[εῖκα λ]όνχαι, δίσκ[ωι]. В целом надпись является достаточно типичным примером подделок мастерской братьев Гохманов.

К сожалению, подделки Гохманов продолжают вводить в заблуждение и сейчас. В почтенной компании В.В. Латышева и С. Рейнака, обманутых ими, оказался и один из лучших специалистов по понтийской эпиграфике Александру Аврам. В 1997 г. он опубликовал декрет Тиры, хранящийся в Музее истории Молдавии в Яссах [Avram, 1997; SEG 47, 1196; AnEp 1997, 1331] (рис. 7). В действительности это фальшивка, причем распознанная еще во времена Латышева. В 1893 г. Гохман предложил ее купить И.К. Суручану, однако сделка расстроилась, потому что в Кишиневе в это время находился Латышев, изучавший его коллекцию. Ознакомившись с копией надписи, он распознал в ней подделку и отсоветовал Суручану ее покупать. Однако Гохман не остался без покупателя – надпись купил А.Л. Бертье-Делагард и в начале следующего года передал ее в Одесский музей. Уже в музее ее также распознал как подделку Юргевич, и опубликовал как таковую в том же году [Юргевич, 1894]. Затем и Латышев включил ее в свой список поддельных надписей [IOSPE IV, p. 323, No. XXVIII]. Упоминает он о ней и в статье, посвященной подделкам [Латышев, 1895, с. 16-17]. Более того определив ее текст как «уже не механическую склейку фраз из подлинных документов, а, так ска-

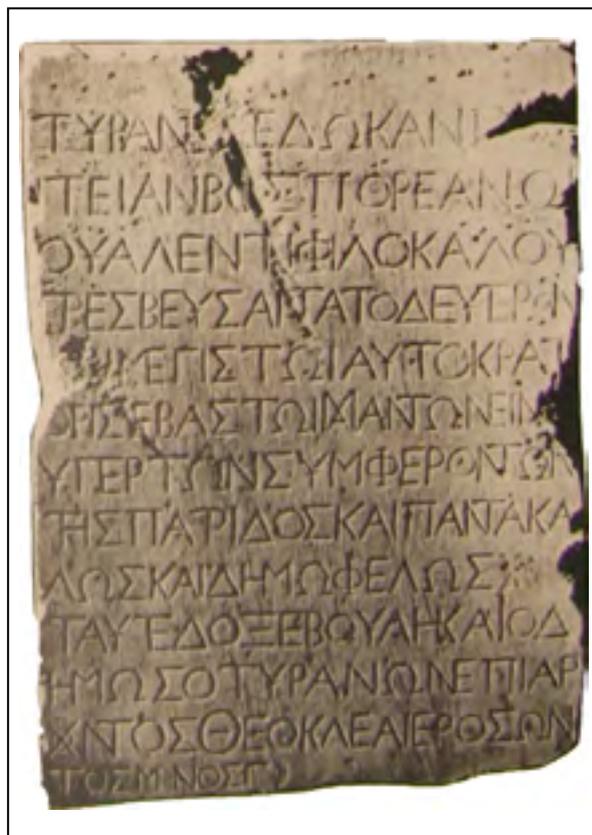

Рис. 7. Поддельный декрет из Тиры SEG 47, 1196. По: Юргевич, 1894, табл. I, рис. 4

зять, свободную композицию, хотя еще очень близко примыкающую к образцам», Латышев приводит краткий список опубликованных надписей, из которых фальсификатор заимствовал материал для своей подделки, с указанием заимствованных пассажей. Очевидно, эти публикации ускользнули от внимания А. Аврама: он предполагал, что текст происходит из раскопок П. Никореску в Тире, которые тот вел в период между двумя мировыми войнами, когда территория Бессарабии, включая Белгород, принадлежала Румынии.

В действительности надпись с 1894 г. хранилась в Одесском музее и была перевезена в Яссы, очевидно, во время оккупации Одессы румынскими войсками во время Второй мировой войны. На это, собственно, указывает и сделанная в 1950 г. запись в инвентарной книге музея в Яссах, которую цитирует А. Аврам: там прямо говорится, что надпись была привезена из Одесского музея [Avram, 1997, p. 116].

Еще одна подобная надпись хранится в Национальном музее в Кракове (инв. № XI-A-686), и в 2006 г. она была издана как подлинная [Lajtar, 2006; SEG 56, 903] (рис. 8). Как стела попала в коллекцию музея (в публикации ошибочно указывается, что камень хра-

нится в музее князей Чарторыйских), неизвестно; скорее всего речь идет о покупке в конце XIX в. Можно предполагать, что камень в конечном итоге происходит из той же мастерской Гохманов, что и рассмотренные выше памятники; манера ее исполнения резчиком очень близка манере резчика или резчиков этих памятников. Для изготовления фальшивки, по всей видимости, использована древняя стела, что также довольно часто практиковалось в «фабрике древностей» братьев Гохманов (по крайней мере в одном случае подлинная плита для изготовления «ольвийской» надписи была даже куплена в Керчи [Латышев, 1895, с. 16]). Фальшивка здесь хорошо распознается именно по этой характерной манере исполнения, но это впечатление подтверждается и анализом текста надписи.

Текст читается следующим образом:

Ἀχιλλεῖ Διονυσίου
τὴν στήλην ἀνέσ-
τησεν Ζήνωνι Δημ-
4 ητροῦ τῷ ὁμώνυμῳ
μῶ Βοσπορεανοῖ
μνήμης χάριν· χαῖρε

Главным источником заимствований для фальсификатора послужил текст надписи IOSPE I², 204 (IOSPE I, 117):

Ἀδόσθω υἱ-
ῷ Ἀρσάκου τῷ
ὁμώνυμῳ
Ζήνων Στ-
5 ρατον<ε>ίκ-
ου Βοσπο-
[ρεα]νός μ-
[νήμης χάριν].

Отсюда заимствовано слово ὁμώνυμος в необычном, если не уникальном значении «соотечественник», имя Зенон, а также этникон «боспорец», не считая стандартной формулы μνήμης χάριν. При этом и имя, и этникон фальсификатор не сумел поставить в нужные падежи – такие же грубые и немотивированные ошибки встречаются в изобилии и в других текстах этой группы. Упоминание боспорца также обращает на себя внимание: фальсификатор любил вставлять в якобы ольвийские и тирасские надписи упоминания боспорцев, очевидно, чтобы сделать их более интересными. Такие упоминания встречаются, в частности, в «тирасском» декрете и декрете в честь Ахемена, сына Ахемена.

Кроме этой надписи, фальсификатор использовал и две надписи, опубликованные в своде Латышева непосредственно перед ней: слова τὴν στήλην ἀνέστησεν заимствованы из текстов IOSPE I², 202 и 203 (IOSPE I, 115 и

Рис. 8. Поддельная надгробная стела из Национального музея в Кракове, инв. № XI-A-686

116). Первая из них, надгробие боспорца Тита Флавия Ахемена, сына Ахемена, послужила одним из образцов и при изготовлении других подделок, в первую очередь декрета в честь Ахемена, сына Ахемена.

Остаются только имена Ахилл, Дионисий и Деметрий, которые настолько банальны, что, вероятно, искать для них специального источника было бы лишним. Тем не менее, опубликованная Латышевым в первом издании его корпуса непосредственно вслед за надписью IOSPE I², 204 (IOSPE I, 117) надпись IOSPE I², 205 (IOSPE I, 118) поставлена Ἀχιλλεῖ Καλλικλέως. Еще дважды в надписях этого корпуса встречается Ἀχιλλεὺς Δημητρίου: IOSPE I², 80, 176 (IOSPE I, 50, 98).

Таким образом, краковская надпись была скопирована фальсификатором из четырех надписей, опубликованных в первом издании IOSPE подряд, друг за другом (IOSPE I, 115-118) при главной опоре на одну из них – точно тем же способом, который был распознан В.В. Латышевым для других подделок в его статье 1895 г. Даже имена были взяты оттуда же – из четырех упомянутых в надписи имен три встречаются в тех же четырех надписях и добавлено лишь банальное «Диони-

сий». Кроме того, фальсификатор, отступив от своих образцов, добавил в конце слово χαῖρε, обычное на надгробиях, но в Ольвии в сочетании с μνήμης χάρις не засвидетельствованное (хотя в других местах такие случаи встречаются). Составляя эту нехитрую подделку, далеко уступающую по сложности и качеству надписям вроде «тирасского» декрета или декрета в честь Ахемена, сына Ахемена, ее составитель не сумел справиться с греческими падежами и сделал две грубые ошибки.

Еще одна подделка другого типа была мною выявлена в Одесском музее. Речь идет об известном посвящении Гераклу статуи Пантакла, сына Клеомброта, от лица демоса:

ὁ δῆμος
Παντακλῆν Κλεομβρότου
τὸν εὐεργέτην Ἡρακλεῖ.

Это посвящение было издано В.В. Латышевым в 1909 г. [Латышев, 1909а, с. 41-42] по эстампажу, а затем включено во второе издание первого тома IOSPE под номером 188. В первом издании упоминается, что место и обстоятельства находки камня неизвестны и что он был куплен осенью 1908 г. у парутинского

Рис. 9. Поддельное посвящение статуи Пантакла, сына Клеомброта. Одесский археологический музей, инв. № 50453

Рис. 10. Посвящение статуи Пантакла, сына Клеомброта IOSPE I², 188. Херсонский областной краеведческий музей, б/н

крестьянина Грищенко. В IOSPE добавлены сообщение о том, что камень хранится в Одесском музее, и ссылка на краткую заметку в ЗООИД, 29 (1911), прот. 35. Речь идет о протоколе заседания Одесского общества истории и древностей от 23 октября 1910 г., в качестве последнего пункта которого приводится краткая информация хранителя музея (очевидно, Э. фон Штерна) о четырех вновь поступивших в музей вещах. Среди них назван и мраморный пьедестал с обсуждаемой надписью, которая приводится маюскулами, а также дается уточнение, что в последнем слове резчик ошибочно вырезал альфу вместо лямбды.

При сравнении двух первых публикаций – Латышева и фон Штерна – обнаруживается странное расхождение, на которое, впрочем, никто не обращал внимания: Штерн пишет, что в имени Геракла вместо лямбды ошибочно написана альфа, тогда как Латышев этого не отмечает и, судя по прорисовке, сделанной им с эстампажа, на камне стоит лямбда. Я надеялся выяснить, кто прав, при осмотре камня в Одесском музее. В самом деле, в коллекции Одесского музея есть такая надпись (инвентарный номер 50453) и, действительно, на ней вместо лямбды стоит альфа (рис. 9). Однако шрифт надписи совсем не похож на тот, что зафиксирован Латышевым.

Решение этой загадки нашлось в другом музее, Херсонском краеведческом, где, как оказалось, хранится вторая надпись с тем же текстом (без инвентарного номера), причем ее шрифт совпадает с прорисовкой эстампажа, приведенной Латышевым, и этот эстампаж был снят, вне всяких сомнений, именно с нее (рис. 10).

Хранящийся в Херсоне блок представляет собой постамент статуи из серого мрамора размерами 23,5 x 74,0 x 67,5 см. Лицевой, правый, оборотный и верхний фасы обработаны тщательно, левый и нижний – суммарно. На верхней поверхности на расстоянии 8 см от переднего края находится след ноги статуи длиной 30 см, на расстоянии 28,5 см второй след овальной формы размером 10 x 7 см. Буквы вырезаны тщательно и ровно, апексы отсутствуют, формы букв характерны для раннеэллинистического времени. Крайние гасты мю и сигмы несколько разведены в стороны. Капша с укороченными косыми штрихами, пи с укороченной правой гастой.

Более внимательное изучение одесской надписи показывает, что речь идет о подделке. Надпись выполнена на крупном блоке из серого мрамора размерами 19,4 x 58,3 x 30,5 см. Лицевой и нижний фасы блока заглажены без полировки. На верхнем фасе находится заглаженная полоса шириной 12,5-13,0 см, затем поверхность фаса углублена на 1,8 см. Углубленная часть также обработана

аккуратно, но менее тщательно. Боковые и задний фас оббиты. На заглаженных фасах заметны следы орудий, однако они довольно сильно отличаются от тех, какие использовались в античное время. По-видимому, для нанесения надписи был использован древний строительный блок, лицевой и нижний фас которого были обработаны фальсификатором перед нанесением надписи. Этот блок не мог служить постаментом статуи, вопреки содержанию надписи. Шрифт надписи с преувеличенными апексами и вытянутыми ро и ипсилоном (высота букв 1,6-2,6 см, высота ро и ипсилона 5,0 см), который немислим в эллинистическую эпоху, да и для римской выглядит странно, подтверждает впечатление, что речь идет о подделке.

Таким образом, восстанавливается следующий ход событий. Постамент с посвящением был найден в Ольвии в 1908 г. или незадолго до того в результате грабительских раскопок. Торговцы древностями, в руки которых он попал, скорее всего все те же братья Гохманы, изготовили подделку, воспроизведя его текст, но другим шрифтом. При этом повторено было даже размещение текста по строкам. Затем подлинник был продан Археологической комиссии через местного крестьянина, который, очевидно, был подставным лицом⁵. Комиссию представлял в Ольвии Б.В. Фармаковский. Известно, что он передал некоторые ольвийские надписи Херсонскому музею, с директором которого В.И. Гошкевичем находился в дружбе. Можно предполагать, что именно так постамент попал в Херсон. Несколько позже, видимо, в 1910 г. фальшивая надпись, сделанная по оригиналу, была предложена другому покупателю, Одесскому обществу, и приобретена им. Штерн и Латышев издали две надписи параллельно, будучи уверены, что речь идет об одном камне. То же убеждение разделяли и последующие исследователи.

Таким образом, поддельные надписи, изготовленные фальсификаторами конца XIX – начала XX в. и попавшие в различные музейные собрания, продолжают обманывать исследователей. Это делает необходимым продолжение их поиска и определения в музейных коллекциях, а также внимательного отношения к надписям с неизвестным или сомнительным происхождением.

5. Вероятно, аналогичной была и история появления надписи на мраморной плите, дублирующей надгробную надпись Еврисивия и Ареты IOSPE I² 221, хотя на ней шрифт оригинала воспроизводится очень точно. Надпись, купленная неизвестным частным коллекционером, была признана поддельной еще А.Л. Бертье-Делагардом и Э. фон Штерном [Штерн, 1901, с. 8-11], однако Э.И. Соломоник, обнаружив ее в Ялтинском музее, издала камень и сочла надпись подлинной [Соломоник, 1986, с. 36-41 = SEG 36, 720].

Власова Е.В. Музей И.К. Суручана в Кишиневе (судьба коллекции) // Жебелевские чтения-1. Тезисы докладов научной конференции 28-29 октября 1997 г. <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1997-10/vlasova.htm>

Иванчик А.И. Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Келера в Берлине // Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004). — СПб., 2007 — С. 182-213.

Латышев В.В. Загадочные ольвийские надписи // ЗООИД — 1889 — 15 — С. 498-502.

Латышев В.В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // ЗИРАО — 1890 — 4 — С. 120-153.

Латышев В.В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. II // ЗИРАО — 1892 — 5 — С. 369-384.

Латышев В.В. О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД — 1895 — 18 — С. 1-18.

Латышев В.В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря (Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini). III // ЗИРАО — 1895a — 7 — С. 73-87.

Латышев В.В. ПОНТИКА — СПб., 1909 — 430 с.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (Ольвийские и херсонесские надписи, найденные в 1908 г.) // ИАК — 1909a — 33 — С. 41-49.

Соломоник Э.И. Об одной утерянной ольвийской надписи // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. — Киев, 1986 — С. 36-41.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб., 2002. — 674 с.

Штерн Э.Р. Новооткрытая ольвийская надпись // ЗООИД. — 1893. — 16. С. 1-10.

Штерн Э.Р. Вновь найденные ольвийские надписи // ЗООИД. — 1894. — 17. — С. 1-30.

Штерн Э.Р. Несколько заметок по поводу статьи В.В. Латышева «О поддельных греческих надписях из южной России» // ЗООИД. — 1895. — 18. — С. 64-86.

Штерн Э.Р. Вновь найденное ольвийское надгробие // ЗООИД. — 1901. — 23, прот. — С. 5-11.

Юргевич В.Н. Апсидная дощечка, найденная в Ольвии, хранящаяся в музее Общества // ЗООИД. — 15. — 1889. — С. 150-151.

Юргевич В.Н. Тирасская надпись, найденная по словам продавца, в 1893 г. в Аккермане // ЗООИД. — 1894. — 17. — С. 33-36.

Avram A. Décret inédit de Tyras // Studia Antiqua et Archaeologica (Iasi). — 1997. — 3-4. — P. 115-126.

Hupe J. Die olbische Achilleus-Verehrung in der römischen Kaiserzeit // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römischen Kaiserzeit. Hrsg. J. Hupe. — Rahden/Westf., 2006. — P. 165-234.

Koehler H.K.E. Mémoire sur les îles et la course consacrée à Achille dans le Pont-Euxin, avec des éclaircissements sur les antiquités du littoral de la Sarmatie et des recherches sur les honneurs que les

Grecs on accordés à Achille et aux autres héros de la guerre de Troie // Mémoires de l'Académie (St. Petersburg). — 1827. — 10. — P. 531-820.

Lajtar A. An Epitaph from Olbia (?) in the Princes Czartoryski Museum in Cracow // Palamedes. A Journal of Ancient History. — 2006. — 1. — P. 159-165.

Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient aux XVIIe et XVIIIe s. I (Collection de documents inédits sur l'Histoire de France, 261, 1). — Paris, 1902 — 662 p.

Schlitz V. Du bonnet d'Ulysse à la tiare de Saïtapharnès // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара. Отв. ред. К. Абдуллаев. — Ташкент, 2010. — P. 217-233.

Spawforth A.J.S. Fourmontiana. IG VI. 515: Another Forgery 'From Amyklai' // ABSA. — 1976. — 71. — P. 139-145.

А.І. Іванчик

ДЕЯКІ НАПИСИ-ПІДРОБКИ З ОЛЬВІЇ ТА ТИРИ

Статтю присвячено підробним написам, як друкувались як оригінальні і як ті, що походять з Ольвії і Тіри. Найраніший екземпляр такої підробки міститься в IOSPE I² 285, і був зкопійований Г. Кьоллером у 1804 р у Миколаєві і надрукованим у 1827 р. В кінці 19 ст. велика майстерня з виготовлення фальсифікатів діяла у Південній Росії, можливо, під контролем відомих торговців старожитностями братів Гофманів. Багато підробок були опубліковані як оригінали. Однак В. Латышев дуже швидко розпізнав підроблені написи і включив їх в окремих додаток до четвертого тому IOSPE (1901). Деякі із згаданих написів були виготовлені саме у згаданій майстерні і довгий час вважались справжніми і друкувались як такі. До цієї групи належать написи IOSPE I², 157; SEG 47, 1196; SEG 56, 903. Більш того, дві копії напису IOSPE I², 188 були знайдені автором у музейних колекціях: перша зараз зберігається у лапідарії Херсонського музею, друга — в Одеському музеї. Перша є справжньою, друга — копією, виготовленою у тій самій майстерні братів Гофманів.

Ключові слова: епіграфіка, підробки, Миколаїв, Херсон, Ольвія, Тіра, брати Гофмани.

A.I. Ivantchik

SOME FAKE INSCRIPTIONS FROM OLBIA AND TYRAS

The article is devoted to fake inscriptions, which were published as original ones with a provenance from Olbia and Tyras. The earliest known example of such fakes is the inscription IOSPE I² 285 which was copied by H. Koehler in 1804 in Nikolaev and published by him in 1827. In the end of the 19th century, a big workshop fabricating forged inscriptions was ac-

tive in South Russia, probably under the control of famous dealers of antiquities and falsifiers Hochmann brothers. At first they managed to deceive scholars, and many fake inscriptions were published as genuine ones. However, V. Latyshev had soon recognised numerous fakes and included their list in the 4th volume of the IOSPE (1901). Some forged inscriptions made in the same workshop are nevertheless still considered as genuine ones and are published as such. The inscriptions IOSPE I², 157; SEG 47, 1196; SEG 56, 903 belong to this group. Moreover, two copies of the inscription IOSPE I², 188 were found in the

museum's collections: the first is now preserved in Kherson museum, the second one is in Odessa museum. The first one is genuine inscription, the second one is its copy made in the same workshop of Hochmann brothers.

Keywords: fake inscription, Olbia, Tyras, Nikolaev, Kherson, Hochmann brothers.

Одержано 23.01.2015